

Отримано: 2 травня 2018 р.

Прорецензовано: 29 травня 2018 р.

Прийнято до друку: 1 червня 2018 р.

e-mail: mrtini@yandex.ru

DOI: 10.25264/2519-2558-2018-2(70)-73-75

Гурская Я. А. Образ белоруса в романе Ивана Лажечникова «Внучка панцирного боярина». *Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: серія «Філологія»*. Острог : Вид-во НаУОА, 2018. Вип. 2(70), червень. С. 73–75.

УДК: 821.161.3.09 «18»

Гурская Яна Александровна,

магістр філол. наук, аспірант,

Вітебський державний університет ім. П.М. Машерова, г.Вітебск, Беларусь

ОБРАЗ БЕЛОРУСА В РОМАНЕ ИВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА «ВНУЧКА ПАНЦИРНОГО БОЯРИНА»

В статье исследуется художественная интерпретация белорусского народа, обращается внимание на позиционирование автором идеи о тождестве белорусского и русского народа.

Ключевые слова: русская литература, литературные связи, художественный образ, национальный стереотип, национальное пространство, восстание 1863 года.

Гурська Яна Олександрівна,

магістр філол. наук, аспірант,

Вітебський державний університет ім. П.М. Машерова, г.Вітебск, Білорусь

ОБРАЗ БІЛОРУСА В РОМАНІ ІВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА “ВНУЧКА БРОКЬОВАНОВОГО БОЯРИНА”

У статті досліджується художня інтерпретація білоруського народу, звертається увага на формування білоруського національного стереотипу, що ставив собі за мету повне отождествлення білоруського і російського народу.

Ключові слова: російська література, літературні зв'язки, художній образ, національний стереотип, національний простір, повстання 1863 року.

Yana Gurskaya,

Master's degree (Literature), postgraduate student of the literature department

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

THE IMAGE OF BELARUSIAN IN THE NOVEL BY IVAN LAZHECHNIKOV “GRANDDAUGHTER OF THE ARMORED BOYAR”

After the division of Polish–Lithuanian Commonwealth and the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire, the formation of the Belarusian national stereotype began, which aimed at the complete identification of the Belarusian and Russian peoples. The article examines the artistic interpretation of the Belarusian people, draws attention to the formation of the Belarusian national stereotype, which aims to fully identify the Belarusian and Russian people. Fundamental in art works is the principle of compositional contrast, one's own / alien, which forms the “image of the enemy” in the reader. Positive characteristics of the character's moral character allow Russian and Byelorussians to interleave, contributing to the Russification of the Belarusian national character in literature.

Key words: Russian literature, literary connections, artistic image, national stereotype, national space, The January Uprising.

Постановка проблеми. На протяжении долгого периода образы белорусов в русском политическом и бытовом сознании ассоциировались сначала с Великим княжеством Литовским и литвинами, а затем с Речью Посполитой и поляками. Из-за сложных политических отношений, которые складывались у Московского Царства, а в дальнейшем у Российской Империи, с данными государствами, на их основе формировался образ национального врага. Как известно, после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году и в последующее время территория Белоруссии входила в состав Российской Империи. Данные обстоятельства потребовали существенных изменений в российской государственной риторике относительно белорусских земель. Так, в Наказе Екатерины II генерал-губернаторам Псковской и Могилёвской губерний об организации управления в присоединённых от Польши землях от 28 мая 1772 года отмечено: «Вы всячески стараться будете, чтоб с вступлением новых провинций под скипетр наш в оных пресекусь всякие угнетения, притеснения, несправедливости, разбои, смертности, убийства, а в исследовании дел мерзкие пытки, обвиняющие виноватого, как невинного, и всякие суровые казни и наказания; одним словом, мы желаем, чтоб не только сии провинции силою оружия были нам покорены, но чтоб вы сердце людей, в оных живущих, добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской империи присвоил, дабы они сами причину имели почитать отторжение свое от анархии республики Польской за первый шаг к их благоденствию» [1, с. 26].

Присоединение новых территорий потребовало не просто интеграции белорусов в русскую культуру, но и изменение национального мышления, в котором белорусская народность представлялась бы полным отождествлением русского национального характера. Политика культурного доминирования преследовала, в первую очередь, стирание этнического деления на *мы/они* и *свой/чужой* по отношению к белорусам. Она дала определенные результаты, так как русские и белорусы и сегодня воспринимают друг друга прежде всего как *братьев, добрых соседей, партнёров* и т.п.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей художественного воплощения белорусского стереотипного характера в русской культуре.

Объектом исследования послужил роман Ивана Лажечникова «Внучка панцирного боярина».

Методологическое и общенаучное значение. Материалом для исследования послужила критическая и художественная литература XIX века. Основными методами исследования являются конкретно-исторический, сравнительно-исторический и дескриптивный.

Изложение основного материала. Важную роль в формировании представлений о другом народе играет литература. Связано это, в первую очередь, с концептуальностью и собирательностью образов героев художественных произведений. Например, после триумфа русского оружия в Отечественной войне 1812 года в художественных произведениях широкое распространение получил образ гувернёра-француза или француженки, отличительной чертой которых является кичливость, излишняя манерность и мнимая образованность. При этом для создания полноценного образа автору не обязательно было с первых же страниц целостно и всесторонне раскрывать своего героя, а предоставить право самым читателям возможность целостного его восприятия на уровне «живого человека». Для работы стереотипов иногда достаточно короткого упоминания или содержательной фразы. Например, в «Пиковой даме» Александра Пушкина Томский говорит: *«Германн немец: он расчётлив!»* – предлагая читателю самостоятельно соотнести фразу со стереотипом немца в русском сознании, сложившимся ещё в петровскую эпоху, и выстроить дальнейшее представление о герое, сочетая его с авторской оценкой по ходу повествования. Разумеется, данный подход к изображению иного национального характера не является объективным, но у читателя подсознательно формируется определённое отношение к чужой народности – в данном случае французам и немцам, – которое в дальнейшем он будет использовать в реальной действительности. Таким образом, художественная литература способствует формированию национальных стереотипов.

Задача изменить восприятие белорусского народа с отрицательного на положительное с конца XVIII века в русской литературе осложнялась тем, что следовало не просто создать новый национальный стереотип, но и постараться изменить взгляд белорусов на самих себя. Достигалось это через антиномы *поляк – белорус* и *поляк – русский* (например, в романах «Иван Выжигин» Ф. Булгарина, «Княжна Острожская» Вс. Соловьёва, «Обрусители» Н. Ланской). Это позволяло читательской аудитории самостоятельно провести параллели относительно кровного/духовного родства русских и белорусов и одновременно объединить их против общего «врага», который устоялся в русском менталитете, – поляков.

Ситуация после восстаний 1830-1831 и 1863-1864 годов осложняла формирование мифа о единстве. Подавление царизмом этих восстаний привело к ужесточению политики по отношению к Белорусским губерниям и новой волне русификации этих территорий. Так, в 1840-м году Николай I издал указ, в котором запрещал употреблять слова «Белоруссия» и «белорус» в официальных документах и печатных изданиях. Сложной была ситуация после 1863 года. Не случайно, что в своём отчёте по управлению Северо-западным краем граф М.Н. Муравьёв-«вешатель» писал, что всё крестьянское население *«в душе русское»*, но загнано и забито и ждёт только освобождения: *«здесь одни только крестьяне, сохранившие Православную веру и даже насильственно принявшие римско-католичество, остались верными сынами России и преданными престолу вашего императорского величества; их необходимо поднять, возвысить и поставить в совершенно независимое положение от польских панов. Тогда только мы можем бороться с польскою пропагандою, постоянно уничтожать ее и привести в ничтожество»* [3, с. 497-498].

Подвижность убеждений и человеческого восприятия – явление обыденное в психологии, отсюда вытекает и подвижность национального стереотипа. Изменяемость его в ходе истории обусловлена различными факторами: политической системой, экономическими подходами, социальным восприятием или культурными влияниями. Немаловажным является и официальная государственная риторика. Но если мы говорим о художественном тексте, впитывающем авторское видение мира, то здесь имеет значение и личный опыт писателя: его знакомство со страной и нацией, о которой он рассказывает, прямое общение с ее представителями, понимание культуры, особенностей исторического формирования и развития.

Ярким произведением данного периода является роман Ивана Лажечникова «Внучка панцирного боярина», впервые опубликованный в 1868 году. Во второй трети XIX века И.И. Лажечников был довольно популярным и уважаемым литератором, сегодня его называют одним из родоначальников русского исторического романа. Его наиболее известные и успешные произведения – романы «Ледяной дом», «Бусурман» и трагедия «Опричник» – были написаны на основе исторических материалов, собственного опыта и этнографических заметок.

В 1853 году Иван Лажечников переехал в Витебск, где был назначен вице-губернатором. В этой должности он пробыл недолго, до апреля 1854 года, и о самом городе, как обо всей Витебской губернии отзывался довольно не лестно. Однако когда тема восстания 1863-1864 годов пришла в художественную литературу, автор обратился не только к официальным источникам (в основу его романа легла статья «Неделя беспорядков в Могилёвской губернии в 1863 году», опубликованная в журнале «Русский вестник»), но и к собственным наблюдениям и заметкам, сделанным во время жизни в Белорусском крае.

Действие романа «Внучка панцирного боярина» происходит в Москве и «городе на Двине» и охватывает 1862-1863 годы. Через своих героев, в первую очередь семью Ранеевых и Стабровских, автор показывает причины и пути осуществления восстания, которое трактуется как польское, а также описывает первые столкновения народного жонда с русскими солдатами. Помимо основной сюжетной линии, И.И. Лажечников большое внимание уделяет взаимоотношению поляков и русских, рассматривая их в классическом противопоставлении. При этом в общий конфликт двух народов автор вводит белорусов. Так, подводя читателя к предательской, по мнению автора, идее восстания, Михаил Ранеев говорит о герое-поляке, подчёркивая низость его поступков: *«[Владислав] Стабровский, дальний родственник моей покойницы. Неглупый молодой человек, добрый, благородный. Мы его очень любили. Казалось, так всегда предан России. И было за что. Родился на русской земле, воспитывался на казённый счёт в русской гимназии, кончил курс в русском университете, состоит на русской службе, идёт по прекрасной дороге... Но с некоторого времени прогневался на Россию, стал частенько завираться о какой-то польской национальности в западных губерниях...»* [2].

Следует отметить, что негативная риторика в адрес поляков в романе порой весьма категорична, на что обращали внимания даже критики того времени. Показательно, что, когда автору необходимо подчеркнуть сомнения своего героя в правильности выбора, он манипулирует национальной принадлежностью, ища «естественное» родство Стабровского с русскими: *«Мать его [Стабровского], белорусская зажиточная помещица <...> Едвига Стабровская, вдова белорусского помещика...»* [2].

Тот же приём И.И. Лажечников использует, обращаясь к польским корням главной героини. Когда необходимо акцентировать внимание на родстве народов, он пишет:

«... Это портрет моей покойной жены. Какой благодней дышит её лицо, какие лучи ангельской доброты льются из глаз её! Святая женщина! Выродок из **польской семьи!**

– Скажите лучше, папаша, из **белорусской!** [2].

А когда необходимо оправдать русского Ранеева в возникшем конфликте с тестем, автор вкладывает в речь героя следующую фразу: «Жена и отец её, какой-то панцирный боярин, **поляки...**» [2]. Таким образом, мы видим адепта ассимиляционной политики в отношении белорусского народа в действии, где историческая данность «Белоруссия входила в состав Речи Посполитой» воспринимается сквозь призму политических лозунгов «когда-то это были единые земли Древней Руси». И, соответственно, русские и белорусы не могут быть чужими друг другу.

Интересно, что идентичную политику со стороны представителей Польши, автор называем притворством, которому нет места в реальности: «Вы отмерили для польской национальности земли из-за Вислы до Днепра и забыли, конечно, что в Литве, в **Белоруссии**, на Волыни, в Киеве живут миллионы **русских, православных** – какая же тут польская национальность?» [2]. К слову, религия стала ещё одним сближающим фактором в отношениях русских и белорусов, являясь прямым отражением политической доктрины того времени: одна вера – один народ, один народ – одно государство.

Государственную пропаганду народного единения Иван Лажечников показывает через акцентацию различия положения в обществе русского и белорусского крестьянина: «Стоит только поставить рядом русского крестьянина и **белорусца**. Что ест этот несчастный, в чём одет, под какой кровлей живёт? И свет-то Божий проходит у него со двора через крошечные отверстия вместо окошек, а не с улицы. Какой-то сочинитель писал, что и собаки, увидав панскую брчку, с ислуга бросаются в подворотни» [2]. Тот же приём автор использует, описывая злодейства и пренебрежительное отношение польских панов к своим крестьянам: «Пока вы [поляки] обещаете, а **русское правительство даёт**» [2].

Собственно образ белоруса автор раскрывает посредством представления читательской аудитории слугу Владислава Стабровского Кирилла, выходца из белорусских крестьян: «Кирилл был из числа тех **белорусских** слуг, соединяющих с простоватой, несколько грубой речью безграничную преданность и верность господам своим, если господа только маломальски обращаются с ними по-человечески. <...> Он не знал, что такое праздность, и сидеть без дела, скрестив руки, считал за великий грех. Когда ему нечего было делать по окончании обыденной барской службы, он то вязал чулок, то по доброй воле утюжил панские рубахи, как самая искусная прачка, то шил себе сапоги» [2].

Помимо уже сложившегося в наше время стереотипа о трудолюбии, ответственности, автор также отмечает острый ум белорусов. Так, говоря о намерениях польских панов через лесть и обман привлечь белорусских крестьян к восстанию, он отмечает: «Не забыты были и холопы. С ними паны стали обращаться гуманнее, сократили их работы и не посылали на панский двор по воскресеньям поступать топором, обещали им даровые земли, если они будут преданы своим господам. Но **добродушные белорусцы, смекая в этих приманках что-то недоброе, не очень поддавались им, были себе на уме**» [2].

Таким образом, перед читателем предстаёт идеализированный образ, привлекающий и подкупающий своим характером, душевными качествами, вызывающий симпатию. Он вполне отождествлялся с образом русского крестьянина – также доброго, работающего, способного на выдумку и т.д., – который получил широкое распространение в русской литературе XIX века. В то же время автор говорит о бедственном положении «белорусцев», подчёркивает, что они нуждаются в «спасении» от польского рабства: «...бросьте в сердце этого доброго, простодушного народа **благодарную искру**, заставьте его на часок забыть панский и жидовский плен, и вы увидите, как этот мёртвый народ оживает будто гальваническим током» [2]. Таким образом, в романе отражается официальная политика культурного доминирования, сглаживаются национальное противопоставление *свой/чужой* и формируется взгляд на белорусскую народность как идентичную русской.

Литература:

1. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов : в 3 т. – Т. III, Воссоединение Белоруссии с Россией и её экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1861). – Минск : Издательство Академии наук БССР, 1961. – 623 с.
2. Лажечников, И.И. Внучка панцирного боярина / Лажечников И.И. Собрание сочинений. В 6 томах. – Том 1. – М. : Можайск–Терра, 1994 // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – 1994. – Режим доступа : http://az.lib.ru/l/lazhechnikow_i_i/text_0200.shtml – Дата доступа: 26.04.2018
3. Муравьёв, М.Н. Всеподанный отчёт графа М.Н. Муравьёва по управлению Съверо-Западным краем / М.Н. Муравьёв // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 487–510.